

Наши попечители

С.А. Филатов

Интеллигенция и власть: культура диалога

Сергей Александрович Филатов, кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР, член Союза писателей Москвы и Союза журналистов России. С 1993 по 1996 год возглавлял Администрацию Президента Российской Федерации. В последующие годы руководил различными организациями, которые ставили своими задачами развитие отечественной экономики, предпринимательства, улучшение социального уровня российских граждан, расширение и укрепление международных связей России, строительство демократического государства и формирование гражданского общества. В настоящее время председатель Совета Конгресса интеллигенции Российской Федерации, президент Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ, президент Международного фонда защиты от дискриминации, действительный член Международной академии творчества, Международной академии духовного единства народов мира, Академии безопасности, обороны и правопорядка. Автор двух книг — «На пути к демократии» (1995) и «Совершенно несекретно» (1999) и многочисленных статей и публикаций в периодических изданиях.

— Сергей Александрович, Конгресс интеллигенции Российской Федерации существует более семи лет. Оправдались ли надежды, связанные с его созданием?

— Не во всем. Конгресс интеллигенции — это очень важный элемент гражданского общества, он создан, чтобы организовать дискуссионное пространство, то есть для диалога интеллигенции прежде всего с властью. Но власть на диалог не идет, видимо побаиваясь слишком активной позиции интеллигенции, концентрирующей в себе боль за сограждан, за судьбу каждого из нас, за страну. Тем не менее мы пытаемся со своей стороны такой диалог культивировать: во многих регионах созданы отделения конгресса, они вполне самостоятельно работают. В Екатеринбурге, в Алтайском крае, в Ярославле постоянно устраиваются конференции. В городе Иваново учрежден Институт интеллигенции, выходит журнал. Мы провели уже три конгресса в Москве, Санкт-Петербурге и Уфе.

Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ осуществляет и финансирует все мероприятия Конгресса интеллигенции. Разделить работу конгресса и фонда очень трудно. Мы поддерживаем писательскую молодежь, сотрудничаем с «толстыми» литературными журналами, выпускаем «Антологию выстаивания и преобразования». Эти книги — свидетельства тех, кто пережил всю тяжесть репрессий, кому удалось выжить в сталинских концлагерях, гитлеровских застенках. Выпущено уже 15 томов. Конечно, нам помогают Министерство культуры и массовых коммуникаций и Министерство образования и науки. Как правило, мы выигрываем гранты в различных государственных программах этих министерств. Работает группа российско-американского диалога. Туда входят довольно крупные ученые, общественно-политические деятели, дипломаты обеих стран. Мы стараемся действовать по широкому фронту культуры. Фонд провел конференцию литературных музеев страны в Пятигорске на базе Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова, где обсуждались современные научные подходы к вопросам преемственности культуры, способы влияния на формирование мировоззрения, свободного от идеологических догматов. Все это программы, которые дают возможность обществу стать зрелым, зрячим, войти в общее информационное пространство. Стратегическая задача у нас одна — содействовать формированию гражданского общества, защитить либеральные ценности, помочь государству не сойти с пути демократического развития. И

в этом направлении мы формируем команду, которая помогает соединить усилия власти и общества, направленные на развитие гражданской культуры.

Если государство не дорожит институтом гражданского общества, у него нет перспективы. Это должны понимать те, кто идет во власть, идет в Государственную Думу, — туда, где осуществляется прямое влияние на принятие государственных решений.

Наш фонд — институт не политический, это некоммерческая организация, но наши программы, выступления наших аналитиков и публицистов, мы надеемся, помогают формировать общественное мнение. По мере сил фонд объединяет интеллигенцию, способную своим потенциалом помочь строительству в России правового демократического государства на основе мира и согласия. С нашей помощью издается журнал «Гражданин» (редактором «Гражданина», если помните, в 70-е годы позапрошлого века был Федор Михайлович Достоевский). Это поле для дискуссий о современной ситуации в стране, на постсоветском пространстве, о наших отношениях с миром.

— Вы думаете, что те, кто принимает решение, читают все журналы? Сегодня число периодических изданий исчисляется тысячами.

— Я сам читал подготовленные аппаратом президента обзоры, когда был в администрации Ельцина. Думаю, аналогичные обзоры делает и аппарат действующего президента. Это обязанность президента и его аппарата — знать, что люди пишут и думают о том, что делают властьпредержащие. К сожалению, во многих изданиях некоторым людям напечататься не так просто — и сегодня, к сожалению, существуют черные списки... Наш фонд часто подписывает коллективные заявления. Когда обсуждали гимн, мы выпустили книжку с выступлениями и различными заявлениями представителей творческой интеллигенции, которая была против этого гимна. Это были очень уважаемые имена. Сделали заявление, написали открытое письмо президенту. Протест прозвучал, но не был услышан. Президент по-своему посмотрел на эту проблему: видимо, для него важнее было отобрать политическую инициативу у коммунистов, для начала отобрать у них гимн. Все это можно понять, но это не значит, что с этим можно согласиться.

Или другой пример. Не так давно выдвинули Александра Николаевича Яковлева на награждение орденом. Что сказал президент? Он сказал: нет, потому что мы с ним стоим на противоположных оценках прошлого. А должна быть толе-

III съезд Конгресса интеллигенции. Уфа, 2000

рантность по отношению к другой точке зрения, в том числе и у президента. Все мнения надо уважать. По-моему, Александр Асмолов сформулировал прекрасную фразу: «Толерантность — это великодушие!» Это не значит, что все мнения надо воплощать в жизнь, но их надо учитывать в своей деятельности, уважать. Ты можешь проводить свою линию, это твое право, ты получил мандат доверия народа, и мы с уважением готовы относиться к твоим начинаниям. Но при этом нельзя никого ни унижать, ни придавливать... В этом искусство демократической власти.

Пока, к сожалению, гражданское общество для большинства россиян — пустой звук, а для власти — скорее досадная помеха, нежели опора. Хотя все вроде бы хотят как лучше. Политтехнологи с переменным успехом внедряют общечеловеческие ценности в советский менталитет. Экономисты декларируют завершение полной десоветизации, модернизацию и вхождение в клуб постиндустриальных держав. Оппозиционные партии уличают друг друга в преданности президентскому курсу. А сбитый с толку электорат между тем клеймит непопулярные меры и

отказывается верить, что правительство идет на них ради того, чтобы завтра стать гарантом естественного права человека на достойную жизнь. Власть хочет быть сильной, чиновник хочет быть сытым, гражданин хочет быть счастливым. Каждый при своем интересе. Какое уж тут согласие и примирение.

Властным структурам впору посочувствовать: демократия, по определению, — начало антигосударственное, как справедливо заметил русский философ И. Ильин. Власть крепнет, когда она опирается на то, что оказывает противодействие, — на иммунную систему общественной самозащиты и самоорганизации, но эта система вырабатывается постепенно... Гражданское общество надо выращивать, создавая и поддерживая общественные институты и фонды, которые втягивают на системной основе граждански мыслящих людей в государственное строительство.

— Как вы относитесь к теме патриотизма, которую многие пытаются представить сегодня как идею общенациональную?

— Я категорический противник национальной идеи в ее достаточно узком смысле. Это

то, что делала компартия, выстраивая тоталитарную систему. Такая идея сплавляет одну часть населения и загоняет в противоположную сторону другую, формируя образ врага внутри государства. В стране должно быть многообразие мнений... В том-то и состоит суть гражданского общества, чтобы каждый по своим вкусам, интересам, по политическим взглядам, по религиозной принадлежности всегда мог определить то пространство, в которое он вписывается. Каждая партия или объединение впитывает в себя разнообразие мнений своих единомышленников и встает на их защиту. А если на всех одна идея, да еще и одна партия, то тут непременно будут несогласные. И мы опять от плюрализма придем к дуализму, к разделению мнений на белое и черное, а общества — на своих и чужих. Патриотическая идея сама по себе естественно привлекает и объединяет людей, она связана с понятиями долга

и чести, с чувством ответственности за историю своей страны, за сохранение ее культуры. Но и здесь очень опасно перейти определенную грань. Я отношусь к пропаганде нашего патриотизма с некоторым напряжением. Нынешняя власть гордится тем, что отняла у коммунистов патриотические лозунги, и пропагандирует государственный патриотизм. Вспомним: тот патриотизм, который у нас насаждался при Сталине, Хрущеве или Брежневе, был порочен. Все советское автоматически провозглашалось лучшим в мире. Противопоставление всего «нашего» всему «не нашему» вело к внутреннему изоляционизму. Это устраивало правящую верхушку, поскольку позволяло безнаказанно эксплуатировать народ, запугивая его внешним врагом.

Но есть другой патриотизм, о котором наша власть предпочитает умалчивать. Назовем его социально-государственным. И подразумевает

День памяти политических репрессий. Лубянская площадь, Москва

он заботу государства о человеке, создание атмосферы, при которой человек не боится столкновений с чиновничеством или с правоохранительной системой, а доверяет им, зная, что найдет у них уважение и защиту, что в трудную минуту государство его не бросит. Вот у нас требуют, например, чтобы безработный каждый день отмечался на бирже труда за те копейки, которые ему платят. А в той стране, где я только что побывал, люди, обращаясь на биржу труда, получают компенсацию почти такую же, какой была бы зарплата, и при этом им говорят: «Идите и спокойно ждите вызова». Патриотизм в таком обществе основывается на уверенности человека в том, что государство стремится сделать его жизнь рациональнее, комфортабельнее, здоровее и благополучнее. Тогда и гражданин по-настоящему гордится своей страной, видит в ней надежность и партнерство. То есть государственный патриотизм сочетается с социальной заботой о каждом. Для нас он мог бы стать моделью жизни, укрепляя инстинкт социального самосохранения. Он помог бы нам поддержать самоидентичность нации как исторической общности людей, объединенных языком, культурой, мировоззрением, психологическими особенностями, типом деятельности и поведения. А переносить на сегодняшнюю почву то, что уже ушло в прошлое, не продуктивно — и люди стали не те, да и мир — другой.

— Существует мнение, что никакие политические, экономические, социальные реформы ничего не решат, пока не изменится сам человек, не вырастет его внутренняя культура. Не правильнее ли начинать с человека, с того, что мы называем нравственностью, общечеловеческими ценностями?

— Я полагаю, это происходит одновременно, одно без другого невозможно. Советская власть отучила человека от понятия собственности и понятия плюрализма. В 1917 году было провозглашено, что «европейское просвещение — это просвещение буржуазное, вредное пролетариату. Права человека — обман трудящихся. Чувство кризиса — бесплодное самокопание. Из всех кризисов есть простой выход — диктатура пролетариата». Минувший век показал, чем обернулось для нашей страны просвещение «диктатурой пролетариата». Ликвидировали собственность — и вытравили гражданскую инициативу, способность к самоорганизации, получили люмпенов, отчужденных от культурного наследия, не умеющих думать и делать что-либо без подсказки сверху. Главное богатство государства — свободный человек, свобода его выбора и действий, в

том числе свобода предпринимательства. Бизнес в этом смысле — локомотив экономики, модель эффективного хозяйствования, он формирует общество активных, независимых людей, что, разумеется, не отменяет нравственное и духовное совершенствование человека.

Научиться этому можно, только войдя в эту систему. Сама демократия по своему характеру система образовательная. Она приучает человека думать о делах государства, о власти, которую он избирает. Я приехал недавно из Польши. В чем ее преимущество? В том, что там остались поколения, которые жили в определенной системе ценностей. И потому сейчас половина поляков уже находится в свободном рынке. Они понимают, что жизненный успех и благополучие зависят от них самих, и они творят свое счастье своими руками. Мы же по-прежнему тянемся к социальным благам, уповаем на хорошего правителя, не понимая, что пора засучивать рукава и самим делать дело.

Забота государства — создать человеку условия, чтобы он проявил предприимчивость и талант, не утонул в океане рынка. А с теми, кто этому мешает, надо бороться цивилизованными методами. У поляков, например, такая штука не пройдет, какая проходит у нас: десять тысяч долларов за квадратный метр жилья. Ни за что не пройдет! Сегодня в Варшаве — центре Европы — жилье стоит сто двадцать долларов за метр, лучшее жилье. А у нас дошло до абсурда. То же можно сказать и о ценах на бензин. Ну не позор то, что в стране, продающей нефть и нефтепродукты на мировом рынке, внутренние цены растут так же, как они растут во всем мире. Почему? Да потому что, создав антимонопольный комитет, пятнадцать лет не даем ему возможности работать, и антимонопольные законы принимаем несовершенные. В этом недавно признался на встрече с президентом Виктор Христенко.

— Что, по вашему мнению, подтолкнуло наше общество к тем преобразованиям, которые начались в восьмидесятых годах уже прошлого века?

— Подтолкнуло отсутствие свободы, жесткая идеология, которая не давала свободно дышать, индустриальная система, которая нас задавила. Мы выпускали слишком много стали, угля, машин, наши склады на годы вперед были загружены товарами, которые мы не знали куда деть. И человек с малой зарплатой, плохим жильем, отсутствием необходимых удобств и услуг, с плохими дорогами и плохим транспортом начал понимать, что он — часть допотопной громоздкой машины, которой формально он будто бы

управляет, создавая иллюзию государства. Вот это внутреннее ощущение неудобства, абсурда, унижения, когда весь остальной мир жил цивилизованно, оно и подтолкнуло нас к тому, что мы больше так жить не захотели. За 15 лет произошли колоссальные преобразования. Постиндустриальное общество структурно отличается от индустриального тем, что доля услуг в ВВП и в занятости становится преобладающей. И у нас эти процессы стали бурно развиваться, все, что связано с удобствами человека: машин в стране стало больше в четыре раза, мобильных телефонов — в сотни раз, компьютеров — только к интернету 14 миллионов подключений. Резко увеличилась протяженность международных каналов. В свое время был создан внебюджетный дорожный фонд — и наши дороги резко стали улучшаться. К сожалению, сегодня опять вернулись к бюджетному финансированию, и процесс притормозился. Мы увидели, что можем обеспечить себя удобствами жизни. Да, у нас 30 миллионов бедных людей, но у нас есть и 30 миллионов обеспеченных. Появились колоссальные вклады, удобства взаимодействия с банком, удобства во многих сферах жизни. Мы все больше и больше ощущаем себя цивилизованным обществом, общаемся с миром без унижения. (Есть, правда, унижение другого рода, которое принято формулировать словами «за державу обидно».) Конечно, произошло расслоение. У одних уровень жизни стал выше, у других — ниже. Сегодня каждый живет по мере своего интеллектуального или экономического развития. И это нормально. Не нормально то, что соотношение доходов ста самых богатых к ста самым бедным — слишком контрастное и превышает цифру 15. Здесь законодатель должен продумать систему мер, чтобы этот показатель стал не выше, чем в цивилизованных странах, то есть 5—7. Условия подключения к интеллектуальным ценностям совершенно разные. Но в масштабе общества мы стали интеллектуально богаче, мы стали больше знать, в том числе свою историю, свою культуру, к нам вернулось огромное количество имен, которые раньше нельзя было упоминать. Конечно, есть свои проблемы у писателей, у художников, у всех работников культуры. У нас в этом плане дела обстоят лучше, чем за рубежом, — например, те же поляки ушли от союзов писателей, но ушли и от государственной поддержки полностью: выживешь, не выживешь — дело твое. У нас государство, озабоченное проблемой сохранения интеллектуального богатства, поддерживает программу молодых писателей, поддерживает литературные журналы, поддерживает книгоиздание (из совет-

ской системы, кстати, вынесенное), молодые писатели получают гранты, стипендии. Наш фонд сегодня имеет связь с тысячей молодых поэтов и прозаиков по всей России. Каждый год по 150 человек собираются в Подмоскowie, они встречаются с крупными писателями, политиками, экономистами, мы создаем пространство общения и духовного обогащения. Создан интернет-журнал молодых писателей. Лучшие авторы форума «Новые писатели России» — около 100 имен из тысячи — скоро будут на слуху, это наше будущее. Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Екатеринбург, Красноярск, Кабардино-Балкария, Сахалин, Камчатка, Ростов-на-Дону, Казань — новые писательские центры, которые мы поддерживаем. Писателей из провинции очень важно приобщить к общероссийскому литературному процессу. Мы помогаем выживать «толстым» литературным журналам и вместе с ними поддерживаем творческую молодежь. Помощь заключается в том, чтобы такие журналы появились в библиотеках, — а библиотек в России больше 35 тысяч, не считая школьных и университетских. «Толстые» журналы уже 250 лет помогают обществу осмыслить прошлое и настоящее страны, разобраться в жизненных процессах. Сегодня они противостоят нашествию электронных СМИ, глянцевого и желтой прессе, разнузданной «либерализации» русского языка, сохраняют просветительские традиции русской классики.

— Когда предполагается провести очередной Конгресс интеллигенции и чему он будет посвящен?

— Конгресс интеллигенции пройдет в Ярославле, и мы посвятим его проблемам провинции. Срок проведения еще не определен, скорее всего это будет в первой половине 2005 года. Ограничение самостоятельности регионов, местного самоуправления — очень опасная тенденция. Она удобна для власти, потому что позволяет сосредоточить в одних руках и власть и деньги, но при этом мы обедняем города. Это то, что произошло, например, с федеральным дорожным фондом. Когда половина средств была у местного самоуправления, начали развиваться регионы, обустриваться города. Как только центр забрал семьдесят процентов и оставил регионам и местному самоуправлению тридцать процентов собираемых средств, это ударило по общественной атмосфере, обустройству жизни людей, по культуре и другим ценностям, которые сообщают обществу тонус. Еще более сильный удар президент нанес по федеративному устройству, введя систему фактического назначения губернаторов. В общем есть о чем поговорить.

— Интеллигенция всегда играла особую роль в истории Российского государства. Сегодня эта уникальная культурная составляющая общества разобщена, ее все чаще упрекают в духовной вялости и нравственной немощи. Что может объединить думающих людей, творческую часть общества, сделать их реальной силой, с которой считаются, чей нравственный авторитет непререкаем?

— Интеллигенция у нас разная. Есть интеллигенция, которая всегда была и будет при власти. Старший Михалков так и говорит, что он-де служака и служит власти. Есть интеллигенция, которая всегда в оппозиции к власти или по крайней мере находится в сомнении, не принимает все на веру. Есть интеллигенция, которая принципиально отказывается от политики и на вопрос, с кем вы, мастера культуры, отвечает — с культурой. И доказывает это своим творчеством. Сегодня те, кто еще недавно хотел преобразовать общество, ушли в себя, они многое потеряли, они ощущают разочарование и некую степень своей вины, потому что подвигли общество на достаточно высокие дела, а в результате получилось не совсем то, или совсем не то, что задумывалось. В отношениях власти с этой частью интеллигенции наблюдается некоторое охлаждение, апатия, — надеюсь, временная. Мы делаем ставку на молодежь. Именно молодежь, со свежими мыслями, с новыми идеями, способна осознать, что без гражданского общества нам не обойтись. Выход из проблемы в том, чтобы не закрывать трибуну для интеллигенции, а дать ей возможность высказать свои мысли. Именно поэтому конгрессу не нужна политическая ориентация, тогда это будет не Конгресс интеллигенции, а некое демократическое, либеральное образование.

Молодежь чутко реагирует на поведение своих старших коллег. Если говорить о влиянии таких людей, как А.Д. Сахаров, Д.С. Лихачев, А.И. Солженицын, то оно проявлялось не столько в колоссальных научно-просветительских трудах и книгах, сколько в повседневной гражданской позиции, в реакции на события в стране и в мире. Оно, это влияние, — в отношении к правам человека и в этике диалога личности и власти. Именно поэтому писатели А.М. Адамович, Г.Я. Бакланов, Б.Л. Васильев, Д.А. Гранин, В.П. Астафьев, академики Б.В. Раушенбах, А.Н. Яковлев, великий М.Л. Ростропович и многие другие в последние годы имели колоссальное влияние на души людей. Чем больше в стране моральных авторитетов, с которыми люди сверяют себя сами, без подсказок политической власти, тем выше нравственность общества, тем надежнее общественное дело.

Результаты реформ по-настоящему проявляются тогда, когда многообразное творчество — литературное, театральное, музыкальное, художественное, научное — помогает людям глубже понять и осмыслить прошлое и настоящее, точнее разобраться в жизненных процессах. Сколько бы ни было у нас политологов и аналитиков, осмысление происходящего, вращение в него идет прежде всего с помощью литературы, театра, кино, искусства — во всем объеме, на всем пространстве культуры. Безусловно, смущает, что среди творческой интеллигенции недостаточно пока еще молодежи. Материальные трудности нарушают межпоколенческие связи в культуре и науке, мы упускаем новые таланты. Финансовое неблагополучие заставляет молодежь искать другие, более доходные профессии. Писательские гонорары грошовые. Молодые авторы подчас не могут наскрести денег на издание даже тетрадки своих произведений. Это проблема для России, ибо мы всегда были богаты писательским миром. Мне представляется, что пора бы уже узаконить минимальную оплату за печатный лист издаваемых писательских трудов.

И все-таки, если говорить по большому счету, потенциал российской интеллигенции огромен и далеко не исчерпан. Она была и остается нашей совестью. Нам надо от многого избавляться, в том числе от привычки переходить от самонадеянности к самоуничижению. Напомню определение Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Интеллигент — это человек, обладающий умственной порядочностью, свободный в своих убеждениях», он не зависит от экономических и политических условий, не подчиняется идеологическим обязательствам, он открыт миру и чуток ко всему лучшему, что в нем есть. В России такие люди не перевелись, они наше богатство.

— Когда Дмитрия Сергеевича Лихачева спросили, как он, пройдя через весь ужас тюрем и лагерей, смог остаться высококультурным и высоконравственным человеком, он ответил: «Я просто не пустил это внутрь».

— Потому что настоящий интеллигент сохраняет в себе генный код предыдущих поколений, врожденное чувство чести, достоинство, потребность утверждать добро. Это родовые черты русской интеллигенции.

Самоустранение интеллигенции от политики опасно для общества. Свято место пусто не бывает. Нельзя допускать, чтобы в роли официальных властителей дум подвизались интеллектуалы-наемники, полужайки, образованцы. Сегодня много говорят о национальной элите. В идеале это определение означает «арис-

тократию ума и таланта». Это душа общества, которая определяет модели поведения, выражает и воплощает глубины национального сознания в его органической целостности. Понятие элиты философы связывают с такими категориями, как Традиция, Время и Пространство. Элита воплощает сакральную ритмику Целого, несет ответственность за Целое, символизирует Свободу нации во Времени. Если понимать элиту как совесть нации, то такой элиты у нас нет. Есть политическая, экономическая, культурная квазиэлита, псевдоэлита, есть контрэлита, декларирующая оппозиционные взгляды, а элиты — нет. Потому что нет гражданского общества. Нет субстанции — нет субъекта. Элита может возникнуть, начать кристаллизоваться как субъект мощных культурно-нравственных преобразований, но это вопрос будущего.

А интеллигенция у нас в России была и есть. Можно долго и много говорить о том, что наша интеллигенция неконструктивна, неспособна к рутинной работе, что ей не надо ходить во власть и т. д. Но в условиях, когда общество еще граждански неорганизовано и зачастую беспомощно перед управленческой бюрократией, когда отсутствует реальная многопартийная система, именно ей, российской интеллигенции, предстоит ответить на вызов времени и пойти на диалог с властью, чтобы «привить» властному Олимпу принципы демократии, права.

Краеугольная тема дискуссий об интеллигенции — ее внутренние противоречия, вылившиеся в идеологический раскол. Преодолеть его вряд ли удастся, но мы обязаны стать терпимее друг к другу, уйти от взаимного обличения и взять на себя историческую ответственность за будущее России. Нынешние проблемы нашей страны не только социально-экономические, но и культурные, корни которых — в отторжении общества от собственной культуры, в погружении его в океан ширпотреба. Противостоять хаосу, разнообразным духовным эпидемиям можно, лишь мобилизовав все культурные ресурсы страны, использовав уникальный опыт творческих интуиций и прозрений.

Значение интеллигенции в духовном возрождении России, в становлении гражданского общества становится стержневым. Особенно сегодня, когда мир переходит от логики монолога к диалогу разных логик, когда время требует совместить опыт прежних исторических эпох и их мировоззренческие ценности с эпохой и ценностями только еще нарождающимися.

— *«Народы Запада добродетелями своими прикованы к земной жизни и земным благам. Русский*

же народ добродетелями своими отрешен от земли и обращен к небу». Это слова Бердяева. *Может быть, еще не поздно поразмышлять о том, что наша интеграция в мировое сообщество — это интеграция в чужой исторический опыт. Не обречена ли попытка скрестить Штольца с Обломовым?*

— Этот спор длится не одно столетие. Время не оставило нам выбора. Меня убеждают простые слова Путина: «Для того, чтобы страна стала сильной и богатой, необходимо сделать все для нормальной жизни каждого человека». Пусть человек занимается творчеством, предпринимательской деятельностью, зарабатывает деньги, но часть этих денег отдает государству, для того чтобы оно крепчало, делалось сильнее и обеспечивало человеку достойную жизнь. Достойная жизнь — это когда человек в своей стране имеет доступ к культуре во всем объеме, от культуры духовной до бытовой, когда национальная культура свободно дышит и развивается в пространстве мировой культуры. Мне нравится, что президент четко защищает Конституцию, нравятся его слова о том, что «каждая партия должна научиться спокойно отдавать власть по воле народа», мне, кажется, что он относит их и к себе.

— *Как вы оцениваете работу Президентского совета по культуре и искусству?*

— Президенту нужны такие общественные консультативные советы. Они дают ему возможность общаться с деятелями культуры и самое главное — не вызывают отрицательных эмоций. Я бы не сказал, что совет ощутимо влияет на развитие культуры в целом или на какие-то ее направления. Ни при Ельцине, ни при Путине я не ощущал, чтобы такие консультации оказывали решающее воздействие на мировоззрение президента. Но они помогают решать некоторые конкретные, частные вопросы.

— *Возможно ли, по вашему мнению, добиться того, чтобы властные структуры были заинтересованы (вынуждены) любые значимые для общества решения обсуждать с лучшими представителями интеллигенции, с «культурным ареопагом» государства?*

— У нас нет палаты, которая защищала бы интересы социальных слоев. Во Франции такая профессионально-общественная палата есть. Она не является голосом обязательным, но там собираются все слои населения, представители творческой интеллигенции, малого предпринимательства, среднего предпринимательства, здравоохранения, образования, есть определенная норма, которая конституционно закреплена. По всем законам, которые имеют социальную значимость, — пенсионным, трудовому кодексу,

Сергей Александрович Филатов

жилищному — представители всех социальных групп дают свои соображения, рекомендации, а президент со своими экспертами смотрит, что надо учесть. У нас нет площадки, где учитывались бы социальные интересы. Профсоюзы их не отражают ни в коей мере, они есть не во всех профессиях, а если и есть, то разобщены. Если бы такую палату удалось собрать, это был бы реальный шаг к гражданскому обществу, о котором мы говорим.

— У вас была инициатива по поводу принятия «Декларации прав культуры», проект которой в свое время подготовил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Есть ли продолжение этой инициативы?

— В ЮНЕСКО подобный документ уже есть, он рассматривает, учитывает и впитывает в себя «Декларацию прав культуры» Д.С. Лихачева. В скором времени он будет оформлен как хартия. Для мира это был бы важнейший документ, потому что там четко сформулировано главное правило, которому обязан следовать любой политик, чтобы сохранить жизнь и ее главные ценности.

— В октябре 2004 года состоялся второй визит Российской общественной делегации в Израиль. В прошлом году состоялся первый Иерусалимский саммит общественных организаций. Вы были руководителем делегации, расскажите, пожалуйста, о ее целях и задачах.

— Проблема израильских и палестинских отношений, на мой взгляд, является центральной международной проблемой, потому что она спровоцировала международный терроризм, который распространился по миру. В 1947 году взяли решить проблему Израиля, но до сих пор решить ее не удалось. Мир раскололся по идеологическому, национальному, корпоративному принципу. Иерусалимский саммит, если он будет постоянно действующим, может стать общественной трибуной для выработки конструктивной программы действий. Общественное обсуждение дает возможность государственным органам яснее, четче сформулировать проблему, учесть все аспекты. Если Израильское государство помогли построить, нужно помочь построить и Палестинское. Бедный с богатым никогда не уживется, — не потому, что они разных религий, разных национальностей, а потому, что у них разное социальное положение. Израиль — богатая страна, Палестина — бедная. Там, где богатые палестинские поселения, все живут спокойно. Здесь влияние сильных мировых держав, России, США должно быть более согласованным, активным, определенным. Если мы эффективно не используем антитеррористическую коалицию, терроризм приведет нас к третьей мировой вой-

не. Нужно объединяться. На встрече «восьмерки» хорошую идею выдвинул Джордж Буш — рассмотреть проблему в более широком масштабе и добиваться демократизации всего ближнего Востока. Побывав в Израиле во второй раз, я еще больше убедился в том, что у нас в России плохо знают жизнь в Израиле, — а у них есть чему поучиться. Они же из пустыни сделали зеленую страну — каждое деревце, каждый кустик охвачен шлангом-капельницей. А отношение к армии, стремление служить, да еще обязательно в боевых войсках, вызывает хорошую зависть. И в области социальной защиты, защиты от терроризма тоже есть чему поучиться.

— Какой вам представляется Россия через 10—15 лет?

— Россия будет богатой страной. По мнению крупных аналитиков в области финансового прогноза, цена на нефть будет расти — до 100 долларов за баррель, — Россия будет «купаться» в этих деньгах. Но это станет для нас колоссальным испытанием, потому что надо увеличивать ВВП за счет двух показателей: обрабатывающей промышленности и торгового оборота денег. Торговый оборот денег, который с каждого рубля приносит по 0,3 рубля ВВП, предполагает увеличение дохода населения, — только при этом может быть увеличен товарооборот. Если мы забудем об этих двух составляющих, то мы превратимся в страну, которая не созидает богатство, а лишь продает свои нефть, газ и т. д. От этого надо уходить, мы каждый год отстаем в той или иной отрасли промышленности. То, что правительство делает профицит бюджета, — это хорошо, но то, что оно ориентирует бюджет на минимальные суммы нефти, — это плохо, потому что большой излишек денег остается без контроля. Им распоряжаются не Государственная Дума, не общество, а правительство и президент по своему усмотрению, что заставляет наших чиновников отрываться от общества. Россия не может быть сырьевым придатком, она должна стать самостоятельной промышленной державой.

— Нефтедолларовый потенциал не вечен.

— На пятьдесят лет его хватит. Сегодня цена на нефть уже поднялась до 50 долларов. Добывать нефти мир с каждым годом будет меньше, а ее потребление будет расти. Стоит вопрос о разработке новых видов энергии, термоядерной, водородной и т. д. Лет через двадцать они появятся. Это колоссальные затраты. Чтобы перевести, например, аэрофлот, автотранспорт на водородный вид топлива, надо все заправки изменить. Но к этому нужно идти, потому что нефть не вечна и экологически не очень безопасна.

— Как нам победить коррупцию?

— Исполнением законов, профессионализмом. Соблюдением Конституции. Это и усиление роли антимонопольного комитета, без оглядки на президента и правительство. Комитет не должен входить в правительство, а должен действовать самостоятельно в соответствии с законом. Борьбу с коррупцией ведут МВД и ФСБ, борьбу с монополистами, которые нам очень вредят, так как создают условия для коррупции, должен вести антимонопольный комитет.

— И все-таки призыв к соблюдению законов вряд ли что-то даст, пока не изменится сам человек. Мы знаем, что культурно незрелому и нравственно неразвитому человеку всегда будет недоставать денег, благ, комфорта...

— То, что у человека всегда есть желание поворовать, — пока неизбежно. Этому, к сожалению, способствуют наши бедные социально-экономические условия — низкая зарплата, высокие цены, ненасытная бюрократия. Для борьбы с этим злом создаются специальные органы, для этого должен беспрепятственно существовать институт свободы слова, — чтобы те, кто насаждает произвол, понимали, что завтра об этом будут знать люди. Надо вернуть в общественный обиход забытое слово «стыдно». Разговоры о том, что политика и экономика, по определению, находятся вне нравственности, удобны для тех, у кого отсутствует чувство профессиональной чести. Стыдно врать, стыдно воровать, стыдно плохо делать свое дело, стыдно делать больно другим людям. Твоя забота, как ты намерен вести себя дальше, — но твоя недобросовестность будет предана гласности, общество будет об этом знать.

Общественное мнение должно работать. И законы должны работать. Власть — это ответственность. Ответственность надо уметь делегировать. В этом вся проблема. И отступать от этого нельзя.

А у нас сегодня уже есть газеты — «Известия», «Труд», — имеющие список тех, кого не следует печатать. На телевидении есть список фамилий, которые не следует упоминать. Это тоже идеологический подход — не делать таких шагов, которые раздражали бы общество. Что такое стабилизация? Власть отрезает путь «возмутителям спокойствия» выступать массово — и сразу наступает «стабильность». Самая лучшая

борьба с терроризмом — обо всем, что взрывается, говорить, что это не терроризм, а несчастный случай, ошибка архитекторов и т. д. Потому что, рассуждает власть, если главная идея терроризма — нагнать страху на людей, то надо эти страхи развеять. Можно оправдать такие шаги, но если положить на весы, чего больше они принесут, вреда или пользы, то вреда больше, потому что кто имеет власть, тот и ведет счет. Тут истоки произвола.

Гражданское строительство — дело не быстрое и требует великого терпения. В стремлении достичь стабильности и согласия нельзя проявлять аракчеевскую прямолинейность. Нельзя уничтожать то, что уже достигнуто, ставить крест на многопартийности, мешать работе общественных организаций, сводить на нет местное самоуправление, устанавливать контроль над СМИ, превращать Госдуму в послушную машину для голосования. Хлебнув свободы, мы, похоже, устали от неисчерпаемого многообразия проблем и затосковали о сильной власти, которая избавила бы нас от всякой мыслительной работы и от ответственности выбора. Извечная дилемма — свобода и порядок — вновь волнует российские умы. Приоритеты государства объявляются первостепенно важными, церковь призывает молиться за власть.

А власть, похоже, тоже устала от неуправляемого и непонятливого электората. Общество всегда неудобно для власти, это в природе вещей. На память приходит Достоевский: «Широк человек, я бы его сузил...» Но сузить не удастся. Придется строить гражданское общество с теми людьми и с теми проблемами, какие есть. И мы его построим, преодолевая болезни роста. Построим в нашей стране, в России, над которой раскинулось общее для всех небо, в пространстве единой информации, уважая международное право, не уклоняясь от решения единых для всех людей жизненно важных задач, в соревновании со всеми великими нациями. Другого пути нет.

Все, о чем я говорил, — обобщенные взгляды людей, с которыми я встречаюсь, это результаты обсуждений на круглых столах, которые мы проводим, это итоги моих собственных размышлений.

— Спасибо вам за откровенный разговор.

Беседу вел Б.Р. Корженьяни